

Н.В. ПОПРАВКО, В.Н. СЫРОВ

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В СОЦИОЛОГИИ

Критика теоретического универсализма, обусловившего метафизичность ряда классических социологических конструктов, получила сегодня широкое распространение. В связи с этим возникает опасность тотальной деструкции, в результате чего социальным наукам в который раз может быть отказано в научности. (Такая критика осуществляется под флагом постмодернизма, хотя обвинение то же: «растворенность» познающего в собственном предмете). Именно об этой опасности говорит П. Бурдьё, призывая к реабилитации историзма, адекватного пониманию социального мира как океана взаимодействий «автономных микрокосмов» (полей) [1, с. 16] или аутопойэтических систем [2], самостоятельно творящих и абсолютизирующих собственные номические структуры. Назрела потребность в деонтологизации и эпистемологизации социологических учений.

Поставленный в заглавии вопрос нуждается в некотором пояснении. Речь пойдет не о том времени, которое является объектом социологического исследования. Здесь мы не будем рассматривать вопрос о том, как люди воспринимают время, тянется оно для них или бежит, видится оно им бесконечной линией, устремленной из прошлого в будущее, или циклом. Хотя, конечно, именно от этого зависит и их восприятие мира, и их познание. Поэтому вопрос, который определяет тему данного рассуждения, можно сформулировать следующим образом: участвует ли вообще концепт времени в организации социологического знания? Какое время и как конституирует социологическое знание?

Актуализация данной темы связана с начавшемся в первой половине XX в. радикальным переворотом в культуре, мировоззрении, философии, во всем комплексе наук индустриальных обществ. Речь идет о мировоззренческой ситуации, которую вслед за М. Хайдеггером можно назвать концом метафизики, ситуации, которая связана с отказом от определенного типа философствования, направленного на установление “истины о сущем в целом” [3, с. 65]. Предмет такого знания не подчинен временным определениям и допускает время лишь как последовательность развертывания своих определений. Соответственно, знание о таком предмете видится окончательным и не подлежащим каким-либо изменениям.

Отказ от поисков знания подобного рода вводит исследователя в совершенно иную плоскость. Еще раз процитируем Хайдеггера, поскольку именно в его творчестве вышеупомянутый поворот нашел наиболее яркое воплощение. “...Должно быть показано, что то, из чего присутствие вообще неявно

Авторы работают на философском факультете Томского государственного университета. **Поправко Николай Васильевич** – кандидат философских наук, доцент. **Сыров Василий Николаевич** – кандидат философских наук доцент. **Адрес:** 634010, Томск, пр. Ленина 36. **Телефон:** (8-382-2) 415-804. **Электронная почта:** socis@socio.tsu.tomsk.su

понимает и толкует нечто подобное бытию, есть время” [4, с. 17]. Подчеркивание темпоральности заключается, конечно, не в констатации конечности (смертности) человеческого существования, не в утверждении, что человек живет во времени как в некоторой необратимой последовательности. Речь также не о том, что все временно, то есть преходяще. Последнее было бы лишь констатацией эпистемологического пессимизма, являющегося оборотной стороной оптимизма классической метафизики и ее продолжением, когда предполагалось бы, что мировое целое или потребность в нем существует, но обладание им не доступно конечному существу.

Идея темпоральности является продуктивной как с теоретической, так и с практической точки зрения. Она заключается в том, что время может рассматриваться как структура, выступающая в качестве условия, принципа, правила порождения любых форм человеческой жизни, будь то тексты, институты, действия людей и т.д. Признаки темпоральной организации можно обнаружить в любой форме человеческой активности. При этом неважно, осознает ли это объект исследования (группа или индивид, например). В качестве аналога можно использовать хайдеггеровское деление на “собственное бытие” и “несобственное бытие”, которое представляет собой не только модусы, но и слои понятости или “разомкнутости” бытия. Это же деление позволяет понять, как возможно перейти, так сказать, от “онтологии” к “эпистемологии”. Последняя будет проявляться в опознании глубинной структуры, которая на первый взгляд не видна или на поверхности выглядит деформированной. Практическая продуктивность данной идеи состоит в умении эффективно использовать данный тип знания.

Что же будет означать введение времени как структуры, конституирующей формы человеческой жизни, активности и коммуникации? (К настоящему времени нет необходимости ограничиваться именно хайдеггеровской концепцией бытия. Анализ причин и тенденций дальнейших изменений в применении его основных концептов лежит за пределами данной темы, да и за рамками интереса самой социологии. Правда, доминирование социологии и политологии в современной культуре есть прямое следствие данного смещения). Как справедливо замечает Р. Рорти: “Современные, образованные, секулярные общества зависят от существования конкретно обоснованных, оптимистических и правдоподобных политических сценариев в противоположность сценариям о посмертном спасении” [5, с. 119]. Если тезис о времени как условии конституирования становится имманентной частью современного дискурса, то его применение или отказ от него уже не может быть продуктом субъективного желания исследователя.

В таком контексте время не сводится к простой длительности и последовательности. Скорее, эти свойства могут рассматриваться как производные от его глубинной структуры. Речь идет о делении на прошлое, настоящее и будущее. Если мы, используя терминологию Хайдеггера, говорим о том, что время является горизонтом понятности бытия или условием его конституирования, то нужно отказаться от традиционных представлений о прошлом как о том, чего уже нет, о будущем как о том, чего еще нет, и о настоящем как неуловимом мгновении между ними. Да и как может быть бытием то, чего уже нет, или то, чего еще нет? Указанные составляющие времени следует

мыслить в качестве частей некоторого целого, внутри которого и посредством которого мы себя понимаем или идентифицируем. Данное целое, в соответствии с терминологией Д. Карра, можно назвать “темпоральной структурой” [6, с. 18].

В качестве иллюстрации рассмотрим следующее высказывание: “Мы – дети Октябрьской революции и строим коммунизм”. Нетрудно заметить, что “дети Октябрьской революции” говорит о прошлом или происхождении, “строим” – о настоящем, а “коммунизм” – о будущем. Но, относя эти элементы высказывания к “мы”, мы осуществляем серию специфических процедур. Прежде всего, эти составляющие уже рассматриваются не как простая последовательность, организованная по принципу “сначала-потом”, а превращаются в составные части некоторого целого. Они не являются чем-то возникающим и исчезающим, поскольку тогда нельзя было бы говорить о целостности. За счет отнесения к “мы” они становятся компонентами современности. Это значит, что “мы” есть или реальны только тогда, когда связали себя с происхождением, некоторыми целями и перспективами.

Сама по себе хронологическая удаленность еще ничего не говорит об отнесенности к прошлому или будущему. С этой точки зрения неверным было бы утверждение, что события 1945 г. являются прошлым (если, конечно, “мы” существуем со времени Октябрьской революции). С другой стороны, настоящее перестает быть мигом и растягивается на период, начало которого совпадает с моментом свершения революции, а конец – с завершением построения светлого будущего. Собственно, на этом этапе можно использовать такие свойства времени, как длительность, протяженность и последовательность. Ведь мы обнаруживаем себя именно по мере разворачивания некоторого процесса. Поскольку мы находимся внутри него, то можем считать его длящимся. А поскольку процесс состоит из разных структурных частей (начало-середина-конец), то он представляет собой последовательность их смены.

Кроме того, данным рассуждением мы неявно осуществили процедуру переописания, отождествив “прошлое” с генезисом или началом, “настоящее” – с серединой или осуществлением, а “будущее” – с целью или окончанием. Причина этого – в нежелательных коннотациях, которые в данном контексте влечет за собой использование таких терминов как “прошлое” и “будущее”. Еще Гуссерль подчеркивал различие между так называемой “первичной памятью” или ретенцией как условием конституирования целостности воспринимаемого объекта и “вторичной памятью”, или воспоминанием, которое само имеет структуру “ретенции-импрессии-протенции” [7, с. 38-40]. Тем самым наше понимание темпоральной структуры усложнилось: она предполагает наличие разных частей (происхождение-осуществление-результат), относящихся к одному и тому же объекту, то есть настоящему. Само описание, представленное таким образом, приобретает классический облик нарратива.

Данное обстоятельство позволяет понять еще одно свойство этой структуры. Ведь можно было сказать, что “мы – рабочие”, то есть связать себя с тем, что сохраняет свою самоидентичность в потоке времени. В некотором смысле идентификации подобного рода уничтожали или скрывали бы

темпоральную перспективу, актуализация которой позволяла бы нам понимать свою жизнь как серию событий, а не как набор вечных и неизменных характеристик. Говоря иначе, мы открыли бы свою историчность как движение от одного события к другому. С этой точки зрения поместить себя внутрь структуры “мы – дети Октябрьской революции и строим светлое будущее” значило бы пребывать внутри события. Тем самым и событие перестало бы восприниматься нами как нечто мимолетное. Хронологически оно могло растягиваться на десятки и сотни лет. А событием его делало бы то обстоятельство, что оно имеет начало и конец и обладает статусом уникальности по отношению к другим подобным событиям.

Данную структуру можно применять при идентификации любого объекта. На вопрос, что представляет собой индустриальное общество, можно было дать следующий ответ: “Это общество, которое возникло в результате кризиса традиционных обществ, обладает набором таких-то и таких-то свойств, предназначенных для достижения таких-то и таких-то целей”. В этом смысле существование индустриального общества также есть некоторое событие в человеческой истории. Таким образом с позиций темпоральной структуры может быть описана не только деятельность людей или социальных групп. Поведение последних достаточно легко истолковать как обусловленное причинами (аналог происхождения, начала, прошлого) или целями (аналог конца или будущего). На примере описания индустриального общества видно, что таким же образом возможно дать описание и любого социального института.

Как же тогда в новом контексте должна рассматриваться социология? Какую форму должна иметь продукция, производимая социологом? При последовательном применении этого подхода все объекты анализа должны принять темпоральную конфигурацию; а если практика конкретных описаний остается прежней, то либо в этой операции нет необходимости, либо социология остается в плену иллюзий. Не изменит ситуацию и тезис о фрагментарности или плюралистичности описаний, ведь два разных описания одного и того же объекта возможны лишь на уровне теоретических спекуляций, но не на стадии применения в социальной практике.

Классический образ социологии, конечно, претерпел изменения, и в первую очередь, путем отказа от претензий на определение законов социальной жизни в духе О. Конта или Г. Спенсера. О том, что позитивная наука в основе своей оказывалась чистейшей метафизикой, несмотря на апелляцию к эмпирии, достаточно много было сказано ее критиками. Сегодня стремление к поиску универсальных законов плохо сочетается с тезисом об историчности человеческого существования. Но, в то же время, отказ от поиска законов плохо сочетается с требованием научности. Достаточно осторожные высказывания о так называемых кратковременных и долговременных перспективах нуждаются в пояснении. Конечно, уже сам факт таких высказываний говорит о введении в социологический оборот темпорального измерения. Если же принять тезис о принципиальной историчности, то социологические тексты также должны иметь характер темпорально организованных структур или нарративов. Но тогда резонно спросить, чем они будут отличаться от исторических текстов. Сказать, что историки изучают прошлое, а социологи –

современность или что историки изучают генезис, а социологи – структуру, значит не сказать ничего, ведь любой нарратив в силу своих структурных характеристик должен захватывать прошлое в форме генезиса. А с другой стороны, так ли уж необходимо социологу знание о происхождении существующих социальных явлений? Можно согласиться с П. Бурдьё, что “в полной мере совершенная социология должна, очевидно, охватывать историю структур, являющихся на данный момент завершением каждого исторического процесса” [8, с. 70]. Но является ли такая история конститутивным моментом социологического исследования? Будет ли сценарий современности, представленный в виде рассказа о нашем происхождении, осуществляемых действиях и перспективах сценарием социологическим?

Хотя эти вопросы носят академический характер, они весьма удобны для определения позиции времени в структуре социологического исследования. Чтобы ответить на них, следует подвергнуть анализу механизм работы социолога. Начать стоит с определения смысла любого научного, в том числе социологического, предприятия. За основу мы бы взяли тезис П. Бергера, что “вещи на самом деле могут быть не тем, чем они являются...” [9, с. 29]. Это значит, что научное исследование только там имеет смысл, где есть необходимость показать, что вещи не таковы, какими они кажутся на первый взгляд. В основе самого побуждения провести социологическое исследование лежит сомнение.

Прежде всего, это сомнение в некоторой понятности ряда социальных явлений, которая подразумевает не просто наличие представлений о тех или иных сторонах социальной жизни, но и отождествление их с действительностью. (Пока не будем обращать внимание на возможные коннотации, связанные с употреблением столь сильного слова. В духе постмодерна можем сказать, что искомая “действительность” есть текст, которому мы более доверяем). Предполагается введение в игру классических образов “поверхности” и “глубины”, “обратной или скрытой стороны вещей”.

Утверждая, например, что “государство защищает интересы богатых”, мы уже имеем представление о том, что есть государство, принимаем это высказывание за реальность, а значит действуем на основании соответствующих представлений. В таком случае, работа социолога будет состоять не в превращении неизвестного в известное, а в переописании, не в конфигурации, а в реконфигурации, замещении и подавлении одних представлений о социуме другими. Вернее, первое является пограничным случаем в исследовательской практике. Это обстоятельство следует считать принципиальным, поскольку оно позволяет вскрыть последовательность действий исследователя, а значит место и роль темпорализации. В данном контексте “понятность” означает, как минимум, что ни поиск эмпирических данных, ни их объяснение или обобщение, ни даже выдвижение гипотез не являются начальным пунктом научной работы.

Эту позицию можно усилить ссылкой на соответствующую онтологию, а можно рассматривать как методологический принцип или как реконструкцию некоторой логики исследования. Последнее означает, что приходится достраивать звенья, которые часто не эксплицируются в реальном исследовании. Методологическое же преимущество состоит в том, что таким обра-

зом становится возможным определить достоинства одной интерпретации в сравнении с другой, да и вообще установить смысл социологического предпрятия как такового.

Как уже было сказано, смысл подобного подхода состоит в том, чтобы показать оборотную сторону вещей через сомнение в их понятности. Говоря конкретнее, следует увидеть, что мы имеем дело лишь с представлениями, а не с вещами. Социальный мир должен открыться как текст в буквальном смысле слова, как некоторые рассказы о мире, как всего лишь наши мнения или мнения других. Мы должны понять, что воспринимаем окружающее сквозь призму традиции, усвоенной в процессе воспитания, обучения, пропаганды и т.д.

Данный подход имеет жесткую логику, которая действует при анализе любого типа объектов, будем ли мы изучать поведение индивидов или действия социальных институтов, обратимся ли к уровню обыденного понимания или к научной традиции. Исследование начнется с экспликации тех или иных представлений о данных объектах, выраженных в форме научной монографии, идеологического лозунга или простого мнения обывателя. Ведь сказать, что есть мы, наше государство и общество в целом, – значит произнести слова, выстроить предложения, рассказать историю о себе и о них. Главная задача на этом этапе – показать, что это всего лишь мнение, а не действительность.

Цель обуславливает соответствующие средства. Это, прежде всего, если использовать терминологию Ж. Дерриды, обнаружение “следов”. Иначе говоря, открывается, что внутри некоторого целого или структуры присутствуют чуждые ей или избыточные элементы. Мы не говорим пока о том, почему мы начинаем их видеть. Но примерами подобных следов будут, например, поведение члена той или иной конфессии, неадекватное постулатам веры и обнаруженное нами за пределами отправления официальных ритуалов; несовпадение общих деклараций государства и конкретных законов; периодически повторяющаяся полемика с оппонентами в ткани научного текста. Как ни парадоксально, но можно утверждать, что подобные следы являются даже структурным моментом выстраивания логики той или иной целостности. Ведь подчеркнуть значимость предмета возможно путем контраста, оппозиции, одновременного подавления и сохранения оппонента. Другой вопрос, что потомки перестают понимать или осознавать значимость подобной полемики, а значит начинают воспринимать ее как шумы.

Наличие следов позволяет нам понять, что мы имеем дело не с господством или тотальностью тех или иных идей, институтов, форм жизни, а лишь с их претензией на господство и победу. Наша культура приучена искать причины в интересах или целях тех или иных групп, индивидов. Но выбор именно такого объяснительного принципа является не только следствием традиции. Иначе говоря, “интерес” – это логически необходимый или аналитически конструируемый фактор. Поэтому мы его реконструируем по тем следствиям, которые обнаруживаем в опыте. В данной ситуации другого способа понимания и объяснения не существует. Ведь если идея не отражает реальность, значит, она является лишь чьим-то представлением, а если она претендует на то, чтобы стать действительностью, то выражает чьи-то инте-

рессы. Эмпирически, они действительно могут быть групповым интересом, пересечением интересов, а могут быть и следствием благих намерений и ошибок реформаторов.

Следы наталкивают на необходимость открыть генеалогическое, а значит временное, измерение. Опять-таки, если исходить из нашего методологического принципа, то можно отметить, что апелляция к целям, то есть будущему, или к причинам, то есть к происхождению или прошлому, отнюдь не является необходимым моментом в описании или понимании того или иного социального явления. И о себе мы часто говорим, что “мы – рабочие”, “мы – читатели “Комсомольской правды””, а не что “мы – дети перестройки” или “мы – те, кто строят демократию”. Обращаясь к государству, мы в первую очередь интересуемся его функциями, а не происхождением. Можно сказать, что социальная жизнь на поверхности предстает в виде пространства или монотонного простирания, дления или воспроизведения одного и того же, а социум вполне правомерно воспринимается как институты, структуры и функции. Соответственно, люди воспринимают и хотят воспринимать себя производными от работы структур. Тем самым, когда мы верим социальным институтам, нам нет надобности обращаться к их происхождению для понимания их работы. А верить социальному институту – значит принимать декларируемые им свойства за реальность.

Превращение темпорального измерения из возможности в действительность наступает, когда подорвана вера в то, что идеи отражают всю полноту действительности, что они вообще отражают действительность, и мы начинаем искать причины подобного положения дел. Тем самым при постановке вопроса о том, что происходит, мы создаем некоторое своеобразное повествование. Социальный институт должен соответствовать нашим представлениям и ожиданиям, потому что когда-то он таким и замышлялся. Но анализ показал (и с этого момента социологическое предприятие приобретает смысл), что он не таков, именно потому, что выражает иные ожидания. Тогда и повествование приобретает соответствующую нарративную конфигурацию: начало, или интерес соответствующих групп как причина; середина, или придание определенной формы социальному институту для реализации интереса; конец, или некоторые нежелательные следствия для нас, или ожидаемые следствия для них.

Следует отметить, что композиция повествования могла бы быть иной. Начало могло представлять собой описание оборотной стороны самого института, середина – открытие причин, а конец – последствия. Очевидно, что такая своеобразная приостановка ответа усиливала бы эмоциональный эффект от открытия той самой оборотной стороны вещей. Но требование темпоральности предполагает дополнение нарратива собственно метками времени в виде “сначала” и “потом”.

Где и почему открывается место для такого измерения? Прежде всего, в полагании следствий или открытии будущего. Оно может выглядеть как то, что уже происходит в результате скрытой работы института, либо в виде предположений, что это произойдет позже нынешних дат.

Есть ли здесь место для прошлого? Само по себе описание причины происходящего еще не открывает нам его. Ведь вполне допустимо описывать

действие этого интереса как происходящее здесь и сейчас. Чтобы учесть прошлое, следует представить его в виде события, имевшего место где-то и когда-то. И для этого будет основание, если нарушение понятности одновременно предстанет и нарушением типичности. В привычный ход вещей должно ворваться событие, или в описание того, что происходит везде и всегда, должно вклиниться описание произошедшего в некоторой точке пространства и времени.

Очевидно, что это еще не все. Темпоральный аспект может усилиться, если будет поставлен еще один вопрос – о природе интереса. Почему он необходим и почему мы не можем остановиться на предшествующей стадии? Ведь след существовал всегда, но не всегда замечался нами. Он обнаруживается только тогда, когда мы начинаем то же самое видеть по-другому. А основанием такого видения может выступать только чувство неудовлетворенности происходящим. Очевидно, что в данном контексте удовлетворенность происходящим есть синоним его понятности. Тогда можно сказать, что у того, кто удовлетворен происходящим, нет необходимости интересоваться некоторыми его сторонами или расширять свой кругозор.

Потребность в расширении кругозора может возникнуть только у того, кто страдает и хочет это страдание преодолеть. Именно этот факт следует считать необходимым условием рождения и реализации определенной логики видения и описания окружающего. Можно сказать, что поиск причин страдания конкретизирует наш познавательный интерес, определяет предпочтительные объекты исследования и способ их описания. Прежде всего, обнаружена скрытая причина страдания, в данном случае – чужой интерес. Соответственно, стремление преодолеть страдание требует постановки вопроса о причинах его появления и господства.

Рискнем утверждать нечто большее. Только теперь повествование приобретет целостный и заверченный характер. Иначе говоря, ответ на вопрос “что?” без ответа на вопрос “почему?” говорит о структурной незавершенности научного предприятия. Опять-таки, речь идет не об эмпирии, а о логической или аналитически выстроенной модели условий, определяющих интерес к тем или иным сторонам изучаемого объекта. Суть в том, что страдание требует его преодоления, а преодоление рождает определенную логику познания, а именно поиск причин.

Нам остается сделать завершающие шаги, а именно ответить на следующие вопросы. Почему же нам необходимо видеть объекты в темпоральной перспективе? И почему это не история, а нечто совсем иное? Для получения ответов следует вернуться к началу нашего повествования. Действительно, рассказы об универсальных социальных закономерностях плохо сочетаются с осознанием конечности и ограниченности нашего бытия. Великие рассказы утратили свою легитимность, как сказал бы Ж.-Ф. Лиотар. С этой утратой рвутся базисные интенции социологии и, следовательно, привилегированные типы текстов. Это описания того, как происходит социализация, стратификация, какие вообще бывают социальные институты, позиции, роли, статусы и т.д. “Можно согласиться с тем, что не только поиск эволюционных “законов”, но... любая попытка конструирования универсальных трансисторических закономерностей никогда не будет успешной, потому что в том,

насколько общие универсальные генерализации не принимают со всей серьезностью во внимание исторический и культурный контекст социального феномена, они обречены либо на ложность, либо на банальность” [10, с. 42].

Это отнюдь не означает перехода к поиску малых закономерностей или к отказу от долгосрочных перспектив. Тогда иллюзии о возможности поиска законов в классическом смысле слова снова воспроизводились бы на микроуровне. Но это также не означает проповеди релятивизма. Последний является оборотной стороной и продолжением классики, поскольку мы теоретически продолжаем считать, что подлинной целью науки является поиск универсальных законов, но эмпирически отчаиваемся их найти.

В новой ситуации следует со всей серьезностью отнестись к роли времени, соответствующей его интерпретации и соотношению с ней всех типов дискурса. И дело не столько в придании времени онтологического статуса, сколько в прагматике. Это значит, что новые типы дискурса не просто должны обеспечить понимание себя и мира. Они должны избавить нас от определенных иллюзий по поводу нашего местоположения, ввести в сферу возможного и доступного. В частности, это касается определения статуса наших знаний.

Можно со всей уверенностью сказать, что мы обладаем прочным и надежным знанием, но весьма специфического типа. Оно предназначено для здесь-и-сейчас, то есть для решения проблем или описания явлений, которые важны и имеют смысл именно для нас. Это означает, что те или иные структуры и процессы имеют место только при наличии определенных условий, а вернее, пока мы не можем или не хотим эти условия отменить. Но тогда эти условия не могут мыслиться как набор универсальных параметров. Ведь смысл каждого нового социологического предприятия и состоит в том, чтобы показать несоответствие общепринятых представлений о том или ином объекте тому, что имеет место на самом деле. Открытое несоответствие между абстрактным и конкретным предназначено не для того, что заменить одни генерализации другими, а для того, чтобы обеспечить вхождение времени в наше видение социального мира. И это наиболее ярко проявляется в определении причин.

Если работа социолога не может обойтись без поиска причин того или иного положения дел, то в каждом конкретном случае мы должны видеть причины, которые темпорально локализованы как обстоятельства, имеющие место в определенной точке времени и пространства. Но тогда они и представлены могут быть лишь в виде описания происхождения.

Таким образом реализуется требование принять во внимание “весьма трудный баланс между контекстом и обобщением”, как пишет об этом Mouzelis [10, с. 34]. Заключаться он будет не в эклектическом употреблении выражений “с одной стороны” и “с другой стороны”, а в совершенно ином способе организации исследования и повествования, которые будут нарративны не в том смысле, в каком любой текст является рассказом, а в том, что будут сообщать о происхождении, осуществлении и результате. Тем самым время в работе социолога должно выступить не метками для сравнения тенденций вчера и сегодня, не скрытой или явной констатацией длительности протекания процесса. Например, когда мы утверждаем, что столько-то про-

центров русских так-то относится к тому или иному событию, то предполагаем, что отмеченное свойство будет длиться и далее в неизменном виде.

Если время становится условием конституирования как описания, так и объяснения, то мы должны рассматривать себя как часть протекания или разворачивания сюжета, составными частями которого становятся описание структур, причин их происхождения в виде скрытых интересов, причин происхождения самих интересов в виде социокультурного и исторического контекста, а также вытекающих из этого следствий. Это совпадает с пожеланием Бурдые о том, что “нужно создавать структурную историю, которая находит в каждом состоянии структуры одновременно и продукт предшествующей борьбы за трансформацию или сохранение структуры, и через противоречия, напряжения, отношения силы, которые ее конституируют, принцип следующих трансформаций” [8, с. 70]. Однако теперь можем сказать, что эта история является не простым прибавлением к собственно социологическому исследованию, а такой его частью, без которой не состоится и само исследование.

Мы должны строить повествование не только с эпистемологических, но и с практических позиций. Мы получаем знание конкретных причин, породивших ту или иную столь же конкретную ситуацию. Но это знание одновременно становится условием нашего освобождения. Даже в эпоху философской и социологической классики темпорализация как апелляция к происхождению идей, институтов, норм и т.д., связанному с местом, временем, интересом, всегда служила основанием для их дискредитации. Поэтому, зная происхождение объекта, мы приобретаем уверенность, что он может быть изменен. А зная конкретные причины, породившие его существование, мы знаем, что именно следует изменить. В этом смысле темпорализация позволяет нам открыть глубину сконструированности мира, в котором мы пребываем (в первую очередь мира социального).

Этими рассуждениями подготовлен ответ и на второй вопрос. Почему это не история и почему слова “исторический контекст” не должны вводить нас в заблуждение? Ведь речь идет о нас, и пока описываемое относится к “мы”, сообщается о современности. После Хайдеггера понятно, что посредством деления на прошлое, настоящее и будущее мы определяем и создаем реальность (пресловутое бытие) предметов. Реальность как настоящее обусловлена нашим присутствием. Поэтому же настоящее приобретает сложную структуру в виде происхождения-осуществления-цели или начала-середины-конца. Мы как существа познающие и знающие свои границы, а также как существа желающие, то есть заинтересованные как в сохранении, так и в уничтожении, вынуждены, можем и должны нарративно организовывать понимание себя и мира.

Избавившаяся от универалистских иллюзий социология позволяет нам ответить на вопрос, кто такие “мы”. И если вернуться к нашему примеру, “мы” – это те, кто обусловлен чужим интересом, но и те, кто уже знает, чем обусловлен этот интерес. Поэтому мы воспринимаем себя именно внутри некоторого процесса. Происхождение его, как и окончание, является не историей или проектом будущего, а частью настоящего, потому что отнесены к “мы”. Говоря по-другому, пока мы считаем, что те или иные обстоятельства

обуславливают нас, определяют наше поведение, они остаются современностью.

История предстала бы тогда не хронологически удаленным прошлым, а другим принципом организации нарративного повествования. Во-первых, оно не было бы отнесено к “мы”. Во-вторых, если первым пунктом логики выстраивания социологического повествования было бы определение нашего происхождения (ведь именно его мы должны изменить), то для исторического повествования первым пунктом такого рассуждения стало бы определение интересов тех или иных персонажей, групп, народов, а уже потом анализ обстоятельств, с которыми эти герои столкнулись. Причина все в той же прагматике. Рискнем утверждать без развертывания аргументации, что прошлое как история могло иметь для нас смысл только в одном единственном случае – если видеть его сквозь призму опыта, то есть определенным образом организованного описания способов решения сходных проблем. Так видят мир только те, кто хочет действовать, – ставят цели, просчитывают возможные результаты, а для уменьшения ошибок стремятся учесть сходные деяния предшественников. Понятно, что описание последних должно приобрести вышеупомянутый облик, то есть начинаться с определения целей и интересов персонажей прошлого. Соответственно масштаб проблемы определял бы степень хронологической удаленности нашего исторического интереса. А с другой стороны, события, ситуации, процессы и структуры, хронологически близкие к нам, также могли бы быть представлены в виде истории. Тогда материал, который нами рассматривался как описание нашего происхождения, можно было бы организовать как описание опыта решения проблемы. Так, импульсы Октябрьской революции можно было бы представить как причину нашего сегодняшнего состояния, которое ведет к определенным следствиям, а можно и как некоторый путь, который привел к неожиданным для нас результатам.

Каков же вывод? Если социология и есть та дисциплина, которая должна представить нам нас, то следует отдавать отчет, что именно темпорально организованное повествование будет наиболее адекватным способом такого представления. Дело не в декларациях об относительности всех знаний, приоритете кратковременных перспектив над долгосрочными и т.д. Введение времени не означает здесь ни так называемого учета прошлого, ни проектирования будущего. Дело в определенном понимании современности и соответствующей организации ее описания. Структура этого повествования уже неоднократно была проговорена. Это описание “нас” как тех, кто произошли или обусловлены (начало) и движутся под воздействием этого толчка (середина) в некотором направлении (финал). Если поиск причин есть необходимое условие социологического исследования, то применения темпорально организованной структуры не избежать. И наоборот, только такое представление позволит избавить социологию от тривиальных или, в силу своей общности, ложных генерализаций, а с другой стороны – от такой же тривиальности при “собираании статистических данных о человеческом поведении” [9, с. 16].

Это не означает разрушения существующего социологического здания. “Словарь изменился, но исходная логика остается и будет оставаться той же

самой” [10, с. 50]. Кроме того, следует отметить, что часть не должна совпадать с целым. Речь идет не об организации каждого конкретного текста, а о принципе понимания и описания объекта социологического анализа. Конечно, нас бы более привлек текст, который бы показал, кто “мы” есть в действительности (в данном случае неважно, описывались бы рабочие, служащие, пресса, семья, европейцы, африканцы и т.д.). Текст заинтересовал бы нас еще более, если в его основу была бы положена интрига. Иначе говоря, перечисление знакомых событий, состояний, поступков, привычек вдруг открыло бы свою оборотную сторону и заставляло бы нас задаваться вопросами “почему так получилось?” и “чего следует ожидать?”. И мы бы хотели двигаться далее вдоль линии повествования, потому что финал постоянно откладывался бы то в сторону описания причин, то демонстрации следствий.

Такой текст, может, даже и не был бы написан, но важно, чтобы данное видение современности стало умонастроением научного сообщества. Важно, чтобы мы воспринимали настоящее как событие и старались сохранить и передать этот дух в любом повествовании. Естественно, что для любого иного социологического текста темпоральная организация выполняла бы функцию контекста.

[Данная интерпретация хорошо согласуется с популярными в современной социологической литературе рассуждениями о характере грядущего общества постмодерна и, соответственно, “надвигающегося кризиса социологии”¹. Если в постмодернистском описании социальный мир предстает лишенным гарантий, которые когда-то выдавались эволюционистскими программами, то видение его сквозь призму темпоральной организации в наиболее ясной и отчетливой форме поднимает вопрос о нашей ответственности за принятие тех или иных социальных решений].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. За рационалистический историзм // Л'97: Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.
2. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика. 1993.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem. 1997.
5. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество. 1996.
6. Carr D. Time, narrative and history. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1991.

¹ См., например: [11, с. 43]. Справедливости ради следует сказать, что данный автор не оригинален, а выражает растущую тенденцию, которую он фиксирует постоянными ссылками на таких авторов, как Э. Гидденс, А. Гоулднер, Н. Бауман и т.д.

7. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. М.: Гнозис. 1994.
8. Бурдьё П. Начала: Choses dites. М.: Socio-logos, 1994.
9. Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
10. Mouzelis N. Sociological theory: What went wrong? Diagnosis and Remedies. London and New York: Routledge, 1995.
11. Smart B. Postmodernity. London and New York: Routledge, 1993.